

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПО СТРАНИЦАМ БИБЛИОТЕКИ «ЛИБЕРАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ» [1]

28 сентября 2005 г. в рамках очередного форума, проводимого Фондом Фридриха Наумана и Ассоциацией исследователей российского общества (АИРО — XXI), состоялась дискуссия, на обсуждение которой были «вынесены вопросы, оказавшиеся в год 60-летия окончания Второй мировой войны в центре общественного внимания»: возвращение Сталина в историю войны; старо-новые мифы о войне и проблемы манипулирования памятью о ней; пакт Молотова — Риббентропа, проблемы оккупации, военных преступлений и цена победы. Ее материалы были опубликованы год спустя и стали отправной точкой для последующих обсуждений проблем преодоления прошлого и формирования созидательной памяти о нем [2].

Организаторы форума сознательно стремились к представительству на нем практически всех, зачастую диаметрально противоположных позиций, объясняя свое решение тем, что «правда о войне должна быть беспощадной, точки зрения должны быть проявлены открыто, прямо и аргументировано». При этом сам форум позиционировался не только как «площадка для диалога или столкновения мнений, но как способ приближения к смыслу того события, которое стало опорным в духовном сознании наших людей» [1, с. 7]. В его работе приняли участие историки, политологи, филологи, журналисты, учителя, представители дипломатических кругов из Москвы, Казани, Челябинска, Томска, ряда научных и университетских центров США, Германии, Польши и Белоруссии.

Первое заседание открыло дискуссию об истоках интеллектуальной и политической реабилитации Сталина. Сторонники «войны со Сталиным», позицию которых представил политолог Е. С. Холмогоров, подчеркнули, что так называемая антисталинская школа и традиция в советской и нынешней российской историографии — это не плод процессов демократизации и избавления от мифов предшествующей эпохи, а официальная аргументация хрущевско-брежневского периода, являющая собою «плохое мифологическое и очень плоско идеологизированное» понимание истории. Современная реабилитация Сталина связана, прежде всего, с рационалистическим бунтом против этой позднесоветской мифологической традиции, замешанной на различного рода штампах — «временами очень и очень опасных, временами очень и очень забавных». В качестве расхожего сюжета, не выдерживающего испытанием фактами, приводится штамп об ошибочном принятии Сталиным тех или иных решений: «И вот здесь — прослеживая по источникам, буквально по дням — оказывается, что огромное число правильных, логически нужных решений было принято лично Сталиным. И наоборот, достаточно большое число решений и достаточно большое число неверных вводных, которые так или иначе себя проявили в ходе войны, были приняты либо не Верховным Главнокомандующим, либо вопреки ему, под мощным нажимом снизу, например от руководителей фронтов и направлений» [1, с. 12].

Сторонники «войны без Сталина» апеллировали к той же мифологизации прошлого, упрекая власть в использовании мифа о войне «с совершенно определенной, ярко выраженной целью — остановить движение общества, данное 56-годом, затормозить импульс к работе мысли» [1, с. 14]. Филолог М. О. Чудакова, взявшая на себя роль выразителя данной точки зрения, подчеркнула, что «реабилитация Сталина — это отнюдь не реалистичный, а типичный такой постмодернистский проект демобилизации русского народа», «уничтожение текущего дня, возможности проявить себя сегодня, завтра, шанса использования сегодняшних потрясающих возможностей» [1, с. 16].

Участники дискуссии сосредоточили свои усилия на разоблачении аргументации противостоящих сторон, отметив снижение общего уровня профессионализма в изучении истории войны, необходимость работы в архивах «с первоначальными документами», а не военными мемуарами, «собственно не являющимися документами для историков», неразрывную связь Сталина, социалистического строя и одержанной ценой невероятных усилий победы. Подводя итоги дискуссии первого заседания, историк В. Т. Логинов обратил внимание присутствующих на одно достаточно принципиальное обстоятельство, связанное с тем, что обсуждаемая проблема так и не стала предметом науки: «Мы настолько завязли все и настолько политизированы в нынешней ситуации, что иногда находимся просто за пределами науки, и это происходит, кстати, с обеих сторон. Тут дело не в том, чтобы найти какую-то среднюю

линию, а в том, чтобы это перестало быть предметом “пиара”... Сама постановка вопроса о возвращении Сталина находится за пределами науки. Когда здесь сказали, что это реакция на какую-то историографическую традицию, то она имеет значение для достаточно узкого круга людей...» [1, с. 37].

Состояние массового сознания и его отношения с прошлым стали предметом обсуждения второго заседания форума. Социолог Л. Д. Гудков обратил внимание присутствующих на то обстоятельство, что апелляция к прошлому является «чрезвычайно важной реакцией на происходящее политических элит, интеллектуального сообщества и массового сознания». При этом принципиальным моментом в ситуации восприятия массовым сознанием минувшей войны оказывается «момент смены поколений», неизбежно влекущий за собою «заметную смену представлений о войне и ее символического значения» [1, с. 39–40]. Социологические замеры последних лет представляют массовое посттоталитарное сознание россиян в качестве комбинации двух состояний, двух ценностных или остаточных идейных комплексов. Первый фиксирует «аморфное и диффузное чувство ужаса от тех времен». Второй (более структурированный и рационалистический) отражает официальную версию войны, оформившуюся в 1960-е гг. и сводящую ее к планомерному процессу победы. На сегодняшний день победа в войне оказывается опорным символом национального самосознания, единственным бесспорным достижением страны, которым можно и следует гордиться; компенсирует «нынешнюю ущербность, неполноценность массового национального самосознания; «легитимирует всю имморальную конструкцию истории, советской истории от момента ее возникновения в 1917 г. до полетов в космос, оправдывает массовые репрессии, коллективизацию, искусственный голод и повседневную нищету, обеспечивает апологию режима, закрывая тем самым от рационализации и понимания всю природу этой системы».

Именно неустойчивое положение современной российской власти, по мнению дискуссионтов, толкает ее на созидание нового национального прошлого, в пространстве которого аккумулируется «все, что можно для санкционирования собственного режима существования... Но упорядочивает и венчает всю эту систему легенд героизации прошлого именно Победа» [1, с. 41]. Опасность навязываемой властью версии войны как телеологии победы заключается, прежде всего, в том, что из массового сознания вытесняется и, следовательно, устраняется сама возможность публичного обсуждения цены войны, ответственности советского руководства за принятие провальных и преступных с моральной точки зрения решений. Современный миф о победе в войне не является продуктом коллективной памяти. «Это хорошо организованный, структурированный, институциональный продукт, созданный поколениями советской интеллигенции, бюрократии, партийных работников, редакторов, кинорежиссеров, комментаторов, историков, школьных учителей» [1, с. 43].

Вместе с тем, не имея возможности к широкомасштабному сопротивлению пропаганде, массовое сознание дополняет победную версию войны определенной долей скепсиса и иронии. Последствиями такого рода освоения истории становятся разложение идеологии как влиятельного и цементирующего общества ресурса, отчуждение от прошлого и вытеснение его за пределы официально одобряемых дискурсивных практик, прогрессирующий имморализм. Именно непроработанность опыта прошлого, неспособность интеллектуального общества говорить о важных и болевых проблемах войны приводят к тому, что победа в войне становится формальным национальным символом, ритуальным элементом политической риторики.

В процессе обсуждения функциональной пригодности старо-нового мифа о войне была высказана весьма любопытная точка зрения о продуктивности так называемых креативных или проектных мифов. Историк Д. А. Андреев предложил различать каталожные мифы, исходящие из восприятия истории как набора полюбившихся картинок, посредством которых можно «соизмерить день сегодняшний и день завтрашний», и проектные (креативные) мифы, воспринимающие исторический процесс в неразрывном единстве прошлого, настоящего и будущего и пытающиеся «разглядеть будущее через призму исторического опыта». Креативному мифу о войне, как свидетельствуют два последних юбилея Победы, удалось стать «точкой сборки» катастрофически раздробленного, распыленного общества... Несмотря на топорную и примитивную пропагандистскую обработку общественного мнения, именно в День Победы случалась как бы “пересборка” нашего общества, когда из страшного хаоса бессистемно действующих осколков некогда сцементированного советского народа вдруг начинало самоорганизовываться в нечто системно-созидательное. А на следующее утро неизменно разрушалось, возвращаясь, как в сказке про Золушку, в свои

обычные обличья» [1, с. 46, 47]. Отсюда, по мнению выступавшего, вытекает и главная задача мыслителя вообще и историка в частности — заниматься креативным мифотворчеством.

Не менее напряженным оказалось и третье заседание, на котором обсуждался вопрос цены победы, освободительной роли Советского Союза и ее современного восприятия. Застрельщиком дискуссии стал историк Б. В. Соколов, сосредоточивший свое выступление на необходимости совершенствования методики подсчета потерь СССР в годы войны; переоценки пакта Молотова — Риббентропа, в результате которого Сталин и Гитлер получили «солидные территориальные куски в Восточной Европе»; выработки одинаковых критериев оценки ко всем участникам войны и военным преступлениям, совершенным как частями вермахта, так и Красной армией. Поставленные вопросы в основном адресовались публицистике, т. к. в научном плане, по заключению докладчика, они в основном уже решены [1, с. 73]. Однако сам ход развернувшейся дискуссии показал, что нынешняя историческая наука весьма далека от какого бы то ни было их окончательного разрешения. Участники обсуждения отметили возрастающую «мешанину» в оценках происходившего в годы войны; расширение доказательной базы «различных правд» войны; полезность «придать гласности и осуждению все реальные факты наших провинностей» [1, с. 81]. Относительно новым для столь широкого обсуждения стали призывы профессиональных историков уравнивать степень ответственности противоборствующих сторон в развязывании войны и совершаемых преступлениях на оккупированных территориях.

В целом опубликованные материалы общественной дискуссии показали, что война по-прежнему остается болевой зоной памяти российского общества, влиятельным идеологическим ресурсом власти и тем рубежом, за пределами которого общественное восприятие советской истории лишается своей внятности и последней рациональной опоры. Профессиональная история войны утрачивает свою академическую замкнутость и начинает вести позиционные бои за создание нового креативного мифа под старым названием «правды о войне», главными действующими участниками которого предстоит стать нравственному смыслу и коллективной ответственности.

Примечания

1. Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18. М.: Фонд Фридриха Наумана, АИРО — XXI, 2006. 112 с.

2. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19—20 июня 2008 г. / сост. Ф. Бомсдорф, Г. Козлова. М.: Фонд Фридриха Наумана, 2009; Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, 3 декабря 2009 г. / под ред. Ф. Бомсфорда, Г. Бордюгова, Е. Гениевой. М.: Фонд Фридриха Наумана, 2009.

Сведения об авторе:

Хлынина Татьяна Павловна,
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Южного научного центра РАН
(Ростов-на-Дону).
E-mail: tatiana_xl@mail.ru.

